
А.И. Сидоров

МАЛЫЕ ФОРМЫ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ
В ЗЕРКАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАНУСКРИПТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГЕРМАНСКИХ РУКОПИСЕЙ
IX–XI вв.)

В статье на примере анализа содержания южногерманских рукописей IX–XI вв. рассматриваются роль и значение так называемых малых форм исторического нарратива в изучении исторической культуры каролингского общества. Существенную роль в бытовании и трансляции важнейших представлений о прошлом, настоящем и будущем играли не столько пространные и сложно организованные авторские произведения, сколько предельно простые по форме и заурядные по содержанию тексты. К их числу относились, например, генеалогии, заметки «О шести возрастах мира», малые и пасхальные анналы. Эти сочинения нередко использовались придворными авторами в пропагандистских целях. В кратком и доступном виде они легитимировали положение правящей Каролингской династии, формировали ее исторический бэкграунд, вычеркивали из истории конкурентов. Они активно распространялись по территории империи, однако вне придворной среды быстро утрачивали свой мощный идеологический заряд, вступая в конфликт с историческими воззрениями региональных элит. Рукописи IX–XI вв. показывают, где именно пролегли «границы возможного» и в чем это выражалось. Копиисты, редакторы и читатели на окраинах империи обращали внимание не столько на содержание «придворных» сочинений, выполненных в формате малого исторического нарратива, сколько на хронологические схемы, лежавшие в их основе. Они были больше заинтересованы в подсчете лет и в заполнении больших временных лакун, нежели в упоминании одних и забвении других исторических персонажей. На отношение к сочинениям в формате малого нарратива в «чужой» читательской среде определенно указывает их кодикологическое окружение. Нередко в одной рукописи мирно соседствовали тексты, совершенно антагонистичные по своему содержанию, но позволявшие охватить и описать большой отрезок времени. Изучение южногерманских кодексов позволяет также иначе взглянуть на проблему становления жанра средневековой анналистики. Это явление не поддается

удовлетворительному описанию в рамках эволюционистской модели, общепринятой в современной науке. Малые и пасхальные анналы не являлись предшественниками большой анналистики, даже к средневековому историописанию их можно отнести лишь с большой оговоркой. Они решали другие задачи, использовались, прежде всего, для ориентации читателей в темпоральном пространстве шестого и последнего века земной истории. Они являли собой постепенную победу христианских представлений о времени, но также свидетельствовали о нарастании эсхатологической напряженности в каролингском обществе.

Ключевые слова: Средние века, историописание, анналистика, генеалогии, «Шесть возрастов мира», кодикология, Каролингская империя, Германия, историческая культура, монастыри

Развитие историописания в раннесредневековой Европе происходило крайне неравномерно. После бурного всплеска историографической активности в IV–VI вв., когда усилиями Иеронима, Проспера, Руфина, Орозия, Кассиодора, Иордана, Григория Турского и других был создан основной корпус важнейших для Средневековья текстов по истории, наступает период длительного затишья. Историческая мысль почти полностью замирает, а впечатляющие труды Исидора Севильского и Беды Достопочтенного лишь усиливают ощущение общей деградации.

Новый подъем историописания в Европе начинается с последней четверти VIII в. и происходит почти исключительно в центральной части королевства франков (в старых меровингских *tria regia* — в Австразии, Нейстрии и Бургундии). Этот подъем оказался теснейшим образом связан со становлением христианской империи Каролингов. По мере роста могущества Франкской державы разные группы элит оказались перед необходимостью решать сложнейший комплекс задач. Во-первых, следовало установить культурно-политический континуитет с Римской империей, продолжением которой мыслилась империя Каролингов. Во-вторых, нужно было вплести историю франков в общую канву истории христианского мира. В-третьих, оправдать захват трона Каролингами и представить их в качестве законных претендентов на место не только Меровингов, но также римских христианских императоров (отметим, что проблема континуитета была актуальной не только для королевской власти, но и для других важнейших институтов франкского общества, например для церкви). В-четвертых,

обосновать миссионерский характер нового государства в период, когда человечество стремительно приближалось к концу времен. В-пятых, максимально полно донести эти идеи до представителей местной знати. Одним из способов реализации всех намеченных целей оказалось историописание.

До нас дошли десятки трудов по истории, созданных между последней четвертью VIII и началом X в.¹ Это означает, что в реальности их было значительно больше. Такая историографическая активность особенно заметна на фоне почти полного отсутствия исторических сочинений на периферии каролингского пространства, идет ли речь о германском мире, самой развитой частью которого на тот момент была Англия, или о романских землях, которые по уровню развития зачастую не уступали ядру Каролингской державы (Италия, Каталония, Южная Галлия). Это заставляет предполагать, что культурное сознание франкских элит (но не европейских элит вообще) в указанный период было в высшей степени историографичным. Различные аристократические группы широко использовали именно исторические сочинения (свои и чужие) для решения тех или иных насущных задач. В противном случае трудно объяснить, почему самые разные институты и социальные группы были заинтересованы в том, чтобы с помощью исторических сочинений формировать совершенно определенный облик прошлого или настоящего. Историописание стало, что называется, актуальным трендом.

Внимание исследователей, занимающихся изучением исторической мысли в каролингскую эпоху, традиционно привлекают лишь некоторые основные, и, добавлю, довольно пространные произведения. В их числе большая анналистика (Анналы королевства франков, Фульдские, Сен-Бертенские, Ксантенские и Ведастинские анналы), жизнеописания Карла Великого и Людовика Благочестивого, написанные Эйхардом, Астрономом, Теганом и Ноткером,

---

¹ Отсылаю заинтересованных читателей к соответствующим разделам справочных изданий: *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1975–1992. Bd. 1–2; *Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1911. Bd. 1–2; *Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. P., 1901–1906. Vol. 1–6; *Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872; *Idem.* Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898; *Wattenbach W., Lewison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952–1990. Bd. 1–7.

истории Нитхарда и Регинона, серия деяний аббатов и епископов, созданных в разных религиозных центрах. Это вполне объяснимо, ведь перечисленные тексты позволяют получить достаточно полное представление о социально-политической и культурной истории второй половины VIII — начала X в., о различных жанрах историописания, существовавших в тот период, о роли исторического знания в жизни франкского общества, о технике работы отдельных историков и о многом другом². Преимущества такого подхода очевидны.

Однако было бы неверно рассматривать формирование исторической культуры франков лишь через призму нескольких крупных сочинений. Во-первых, их было совсем немного. Во-вторых, современники далеко не всегда знали не только об их содержании, но даже о самом факте их существования. Например, Регинону, создавшему последнее значительное историческое произведение эпохи, остались неизвестны лучшие памятники каролингского историописания, включая труды Эйнхарда, Астронома, Нитхарда и Тегана. Не менее красноречивым фактом является и состояние рукописной традиции упомянутых выше сочинений. За исключением *Анналов королевства франков* и «*Жизнеописания Карла Великого*» Эйнхарда, для IX–X вв. она чрезвычайно скудна или вовсе отсутствует³.

Напротив, в тот же самый период мы обнаруживаем внушительное число совсем небольших исторических текстов, которые на взгляд многих современных историков не представляют собой ценности, поскольку не несут сколько-нибудь существенной информации, способной дополнить большой нарратив. Однако эти тексты писались, читались и тиражировались куда активнее крупноформатных произведений. К числу таковых относятся, например, сочинения, повествующие о шести возрастах мира, краткие (малые и пасхальные) *анналы*, разного рода генеалогии, списки имен и пр. Можно предполагать, что в каролингскую эпоху прежде всего они отвечали за формирование и трансляцию важнейших представлений о прошлом, настоящем и будущем, которые определя-

---

² Автор этих строк в свое время выбрал для себя тот же путь и убедился в его эффективности. См.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.

³ Подробнее см.: *Сидоров А.И.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // *Люди и тексты. Исторический альманах*, 2013: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 12–35.

ли характерные черты исторической культуры. Разумеется, следы существования анналистики, генеалогий и, особенно, «шести возрастов» можно обнаружить и в предшествующий период. Однако подлинное рождение малой исторической прозы состоялось в последней трети VIII, а главным образом — в IX столетии: именно тогда она стала заметным культурным явлением и приобрела массовый характер.

Для дальнейшего анализа я выбрал комплекс рукописей IX–XI вв., которые были созданы в Санкт-Галлене и некоторых близлежащих центрах. В каждом манускрипте сохранилось одно или несколько исторических произведений, созданных в формате малой прозы. Ниже речь пойдет не только о содержании этих историй, но также об их форме и, разумеется, о кодикологическом сопровождении.

Изучение рукописной традиции неизбежно приводит исследователя к пониманию того факта, что базовой нарративной единицей в Средние века следует считать не «авторское» сочинение, а конкретный кодекс, объединявший под одной обложкой один или несколько текстов, порой весьма далеко отстоящих от первоначальной авторской версии. Восприятие того или иного произведения зависело, с одной стороны, от соответствующей редакции, которая могла выражаться в экстраполяциях, вставках или перестановке частей оригинального текста, с другой — от нарративного контекста, в котором оно существовало. Стоит ли говорить, что и первое, и второе могло предстать в бесчисленном количестве вариаций. Однако читателям на протяжении столетий зачастую приходилось иметь дело именно с этими вариациями, а не с оригинальным авторским текстом.

Появление каждой вариации было обусловлено конкретными обстоятельствами, прежде всего насущными потребностями определенной аудитории в данное время и в данном месте. Это справедливо в отношении не только заново создаваемых, но и копируемых кодексов. Если в XI в. руководитель скриптория давал поручение переписать рукопись IX столетия — не важно, для своей или чужой библиотеки, — дело, скорее всего, не сводилось только к исполнению устава и монашескому послушанию, измеряемому количеством времени, затраченным на работу. За таким поручением стояла актуальная потребность конкретных сообществ в определенной информации, соответствующим образом представленной.

Из Санкт-Галлена происходят, по крайней мере, четыре кодекса, в которых сохранилась каролингская версия рассказа о шести возрастах мира. Два из них относятся к IX в., еще по одному к X и XI вв.⁴. Однако последние представляют собой копии с несохранившихся каролингских манускриптов. Все рукописи имеют разное содержание и почти наверняка происходят от разных протографов. *De sex aetatibus mundi* всякий раз оказывается в окружении других текстов. Если добавить к этому разную систему сокращений, используемую в одних и тех же фрагментах, то можно вполне определенно утверждать, что в монастырской библиотеке в IX в. одновременно существовало по меньшей мере четыре копии одного и того же исторического сочинения. Мало какое еще произведение каролингские читатели удостоивали таким вниманием.

Санктгалленская версия представляет собой вполне оригинальную интерпретацию традиционной христианской периодизации истории. Представление о шести эпохах можно встретить еще у Евсевия Кесарийского. Затем оно появляется у Августина, Исидора Севильского и, наконец, в наиболее развернутом виде — у Беды

⁴ St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 732. Описание рукописи см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875. S. 240–241. Некоторые исследователи относят рукопись к первой трети и даже к концу второго десятилетия IX в. В частности, А. Кордолиани полагает, что она создана около 817 г.: Cordoliani A. Les manuscrits de comput ecclésiastique de l'Abbaye de Saint Gall du VIIIe au XIIe siècle // Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte. 1955. Bd. 49. S. 161–200, bes. 188. Однако состав кодекса (в него входят анналы до 867 г. и список римских понтификов, доведенный до 844 г.) и специфическая разбивка на тетради позволяют предполагать, что рукопись в ее нынешнем виде появилась не раньше второй половины или даже последней трети IX в. С оцифрованной версией рукописи можно ознакомиться: <<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0732>>.

К середине или второй трети того же столетия относится рукопись St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 397, больше известная как персональный *Vademecum* аббата Гримальда (841–872) (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0397>>). Описание рукописи см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften. S. 135–136.

В X в. создан St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 899 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0899>>), а в XI в. — Cod. Sang. 878 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0878>>). Последний кодекс представляет собой полную копию рукописи IX в. Описание рукописей см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften. S. 307–309, 315–316.

Достопочтенного в его «Большой хронике», как сегодня принято называть 66 главу трактата *De temporum ratione* (725 г.)⁵.

После Беды «шесть возрастов мира» стали общим местом в западноевропейской исторической культуре. Но как всякое общее место, эта схема оказалась чрезвычайно гибкой и легко наполнялась новым содержанием в зависимости от потребностей аудитории. Сохранилось огромное количество франкских, итальянских и англо-саксонских рукописей младше VIII в., содержащих рассказы об эпохах. Сами тексты отличаются большим разнообразием, как в отношении объема, так и в отношении фактического материала. Одни состоят всего из нескольких строк и сообщают лишь о некоторых ключевых фигурах мировой истории, символизирующих собой отдельные периоды (Адам, Ной, Авраам, Давид и т.д.). Такова, например, заметка в «Миссале Леофрика» из англо-саксонской рукописи X в., добавленная к блоку календарных материалов ближе к концу столетия⁶. Другие насчитывают многие страницы и перечисляют десятки исторических персонажей, действовавших внутри каждого «возраста». Редакция, сохранившаяся в санктгалленских рукописях, относится к их числу.

Эта версия является в полном смысле слова каролингской, и составлена она была человеком, близким ко двору. Судя по тексту, сочинение было написано около 810 г.⁷ Дело, однако, не только в датировке, но и в содержании. *De sex aetatibus mundi* представляет собой довольно пространственный перечень правителей, сменявших друг друга на протяжении тысячелетий. Члены рода Каролингов, по мнению

---

⁵ Подробнее см.: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 183–185, 263–270.

⁶ Oxford, Bodleian Library, Bodley 579. F. 55v–56r. Оцифрованную версию рукописи см.: <<http://image.ox.ac.uk/show?collection=bodleian&manuscript=msbodl579>>. Перевод *De sex aetatibus mundi* на русский язык выполнен Т.В. Гимонем. При вою его полностью: «ОТ НАЧАЛА ДО ПОТОПА ЛЕТ ТЫСЯЧА ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ. От Потопа до Авраама 295 лет, и вместе лет двух возрастов — 1948. От Авраама до Давида 295 лет, и вместе лет трех возрастов — 2990. От Давида до Обрезания Господня 583 года, и вместе лет 4-х возрастов — 3363. От Обрезания до Рождества Господня 580 лет, и вместе лет пяти возрастов — 4952. От Рождества Господня до пришествия антихриста — 999 лет». Перевод опубликован в: *Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: Практикум-хрестоматия / Авт.-сост. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров. М., 2010. Кн. 2. С. 83–84.*

⁷ Например, см. Cod. Sang. 732. P. 153: «Domnus Karolus... gubernat usque in praesentem annum feliciter qui est annus regni eius XLIII imperii autem X». В санктгалленских кодексах имеется, как правило, постраничная нумерация.

составителя, выступают непосредственными преемниками римских и византийских императоров. Причем власть они перенимают еще в статусе майордомов: Пипин Геристальский следует в списке непосредственно за императором Юстинианом⁸. За Пипином идет Карл Мартелл и т.д. Последним в тексте упоминается Карл Великий, восстановивший империю. О Меровингах речи не идет вовсе.

Таким образом, в сочинении прямо проводились идеи о безусловной законности власти Каролингов, о том, что они являются единственными легитимными наследниками римского имперского величия, о том, что в 751 г. не было никакого государственного переворота, а также о том, что Меровинги вообще никогда не были действующими лицами мировой истории и потому не могут претендовать на место в исторической памяти франкских элит. Если добавить к этому явную эсхатологическую направленность произведения, то окажется, что Каролинги правят в конце времен, завершая земную историю⁹. В контексте идеологических представлений, сформировавшихся при дворе, Каролингская империя носила мессианский характер и должна была расширить границы христианского мира до пределов возможного, чтобы объединить человечество в лоне церкви и подготовить его к наступлению Страшного суда.

ГЕНЕАЛОГИИ И СПИСКИ ИМЕН

Четыре санктгалленские копии *De sex aetatibus mundi* указывают на то, что пропагандистская машина Каролингов работала весьма активно. С другой стороны, состав упомянутых кодексов позволяет увидеть, насколько эффективной была имперская пропаганда, и как в реальности прочитывалось послание, содержащееся в этом сочинении, людьми, которые находились на значительном удалении от двора Карла Великого в пространственном и временном отношении.

Все кодексы, несмотря на оригинальное содержание, имеют некоторые общие жанровые особенности. Они объединяют поэтиче-

⁸ Ibid. P. 153: «A Iustiniano usque ad Pippinum senioreum fiunt anni II».

⁹ На эсхатологический характер каролингской политической идеологии указывали и другие важные явления эпохи, например королевское помазание. Подробнее см.: *Alibert D. Sacre royal et onction royale à l'époque carolingienne // Anthropologies juridiques. Mélanges Pierre Braun. Limoges, 1998. P. 19–44.*

ские и компутистические тексты, словом, то, что имеет отношение к счету, в данном случае, к метрике и хронологии. Таким образом, *De sex aetatibus mundi*, скорее всего, рассматривались санктгалленскими читателями как универсальная хронологическая модель, охватывающая все земное время истории человечества. Напротив, их мощный идеологический заряд не всегда оказывался в поле зрения новой аудитории. На это указывает соседство с другими историческими или историко-хронологическими сочинениями.

В Cod. Sang. 732 непосредственно за «Шестью возрастами мира» следует незамысловатая, но показательная компиляция, состоящая из списка римских правителей, «таблицы народов» и генеалогии Меровингов от Хлойо до Дагоберта (р. 154–155)¹⁰. Их наличие, по всей видимости, связано с тем, что значительную часть кодекса составляет Алеманнская правда (р. 1–98), которую составители помещали, таким образом, в соответствующий исторический контекст, пусть и самый общий. «Таблица народов» помогала читателю разобраться в происхождении племен, в том числе алеманнов¹¹. Однако королевская генеалогия сводила на нет усилия придворного идеолога, стремившегося лишить Меровингов места в истории.

¹⁰ Этот небольшой текст опубликован отдельными фрагментами Г. Пертцем, Б. Крушем и В. Левизоном: *Regum Merowingorum genealogia* // MGH SS. T. 2. P. 307; *Catalogi regum Francorum praetermissimi* // MGH SRG. T. 7. P. 851. Вопрос о происхождении и содержании «таблицы народов» основательно изучен У. Гоффартом. По мнению исследователя, таблица возникла в Восточной Римской империи около 520 г. и отражала представление византийцев об этнополитических реалиях в западных провинциях накануне юстиниановских войн. В течение последующих полутора столетий, вместе с другими «греческими» текстами, она попала на Запад, а в конце VII или начале VIII в. была доработана анонимным франкским редактором. Этот человек был германоговорящим, и потому он изменил написание имен собственных в соответствии с позднеримской транскрипцией, заменил имя «визиготы» на «валоготы», а также добавил к первой ветви 13-й народ — саксов. Кроме того, он дополнил таблицу списком римских и меровингских правителей Галлии. Рукописная традиция таблицы насчитывает восемь кодексов. Самым ранним считается Cod. Sang. 732. Подробнее см.: *Goffart W. The Supposedly “Frankish” Table of Nations: An Edition and Study* // *Frühmittelalterliche Studien*. B., 1983. Bd. 17. S. 98–130. См. также: *Miillenhoff K. Deutsche Altertumskunde* / Ed. M. Roediger. B., 1892. Bd. 3. S. 325–332; *Krusch B. Der Bayernname, der Kosmograph von Ravenna und die fränkische Völkertafel* // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1928. Bd. 47. S. 31–76.

¹¹ По версии «таблицы народов» алеманны, наряду с римлянами, бриттами и франками, происходили от некоего Истиона. Эрминий, один из двух его братьев, стоял у истоков готов, валоготов, вандалов, гепидов и саксов. Ингуон, второй брат, «породил» бургундов, тюрингов, лангобардов и баваров. Следует отметить,

Последние не только остались, но еще и представляли в весьма выигрышном свете: генеалогия королей франков зеркально повторяла генеалогию правителей Рима¹². Напротив, Каролинги в этой схеме отсутствовали. Напомню, что некоторые исследователи датируют Cod. Sang. 732 первыми десятилетиями IX в. Если это так, то послание каролингского составителя *De sex aetatibus mundi* не «прочитывалось» уже его современниками.

В Cod. Sang. 899 ситуация на первый взгляд иная: к «Шести возрастам мира» примыкает собственно генеалогия Каролингов (р. 75–77)¹³. Такое соседство выглядит логичным, поскольку содержание второго текста хорошо дополняло первый. Однако в генеалогии имеется совсем небольшой, но существенный нюанс. Составитель сообщал, что Каролинги происходили от брака некоего Ансперта, представителя знатной галло-римской фамилии, и... Блитхильды, дочери короля франков Хлотаря. Таким образом, и в этом случае Меровинги вернулись в большую историю, причем не в качестве второстепенных персонажей, а как прародители новой династии.

Обоснование династического родства являлось важным элементом каролингской идеологической пропаганды, направленной на легитимацию властных притязаний Каролингов в глазах региональных элит¹⁴. Но идеологический посыл *Commemoratio genealogiae*

что «таблица народов» и/или список правителей сопровождают варварские правды и в некоторых других кодексах. Например, в двух западнофранкских рукописях X в. они фигурируют в прологе Салической правды. См.: Paris, Bibliothèque nationale, lat. 9654. F. 121r; 4628A. F. 5r–6v.

¹² Ср.: «Primus rex Romanorum Analeus. Analeus genuit Papulo etc.» (р. 154); «Primus rex Francorum Chloio. Chloio genuit Glodobodem etc.» (р. 155).

¹³ Генеалогия опубликована Г. Вайтцем: *Commemoratio genealogiae domni Karoli gloriosissimi imperatoris* // MGH SS. T. 13. P. 245–246. Генеалогия была создана в Меце между 800 и 814 гг. для защиты владельческих прав Мецской церкви в Аквитании. В последующие десятилетия она широко распространилась в историческом ядре Каролингской державы, особенно на среднем Рейне и в близлежащих провинциях. Ее можно было встретить в аббатствах Сен-Вандрий (Фонтанель), Сен-Бертен, Сен-Рикье, Бландиньи, Сен-Жермен, в трирском монастыре св. Максимиана, а также в Тегернзее и Санкт-Галлене. Очевидно, генеалогия была адресована местной аристократии, а распространялась она через церковные структуры, подобно капитуляриям и предписаниям для графов. О мецкой генеалогии подробнее см.: *Oexle O.G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulfus* // *Frühmittelalterliche Studien*. В., 1967. Bd. 1. S. 251–268.

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Сидоров А.И. Генеалогические конструкции как способ легитимации власти франкских правителей VII–IX вв.* // СВ. 2007. Вып. 68 (2). С. 45–68.

вступал в резкое противоречие с концепцией каролингской же версии *De sex aetatibus mundi*. Тем не менее ни составители Cod. Sang. 899, ни его читатели не замечали никакого конфликта между этими текстами. Таким образом, и здесь, как в случае с Cod. Sang. 732, мы видим, что пропагандистские усилия придворных идеологов далеко не всегда достигали намеченных целей. Представители местной знати в лице санктгалленского монашества прочитывали их послания по-своему, *не противопоставляя, но соединяя* разные сочинения. Возможно, отсутствие определенной информации в одном произведении воспринималось ими как досадный пробел, который необходимо было восполнить с помощью другого, близкого по своей природе текста. Но в любом случае, с их точки зрения эти сочинения не противоречили друг другу и могли мирно соседствовать.

Соседство «Шести возрастов мира» и королевских генеалогий не должно удивлять. Составитель каролингской версии *De sex aetatibus mundi* апеллировал к генеалогическим конструкциям всякий раз, когда это представлялось возможным. Таковы, например, ветхозаветные эры, начиная с Адама, благо соответствующий материал в изобилии содержался в Библии. Заключительная часть сочинения, посвященная Пипинидам, в сущности, тоже представляет собой генеалогию, хотя она построена не по родовому (*X genuit Y; Y genuit Z etc.*), а по династическому принципу и отсчитывает количество лет между двумя ближайшими царствованиями.

Мецкая версия генеалогии Каролингов встречается еще в одном санктгалленском кодексе, никак не связанном с упомянутыми выше. В манускрипте, который хранится сегодня в центральной библиотеке Цюриха, она соседствует с комментариями на Книгу Бытия (*Liber Hermeneumatum*), перепиской Псевдо-Сенеки с апостолом Павлом, *De viris illustribus* Иеронима и фрагментами «Этимологий» Исидора Севильского¹⁵. В таком кодикологическом окружении генеалогия обретает, как представляется, черты историко-компутистического сочинения, ориентированного на учет земного времени через смену правителей. Напротив, ее идеологический заряд отходит на задний план.

---

¹⁵ Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 129. Кодекс создан в XI в., но является полной копией кодекса IX в. Генеалогия Каролингов находится на f. 95v–96v. Высококачественное цветное факсимиле рукописи см.: <<http://www.e-codices.unifr.ch/description/zbz/C0129>>.

Вернемся, однако, к Cod. Sang. 732. Помимо «Шести возрастов мира» и «таблицы народов» в окружении списка правителей, в нем находятся еще два исторических сочинения, выполненных в формате малого нарратива: список римских пап от апостола Петра до Сергия (844 г.) с краткими биографическими сведениями о понтификах (р. 189–193)¹⁶ и так называемые малые санктгалленские анналы (р. 168–178)¹⁷. Между этими текстами помещены пасхальные таблицы, охватывающие период с 817 по 999 гг.

Остановимся подробнее на анналах. Перед нами типичный пример так называемой малой каролингской анналистики, бурно расцветшей в IX в. Анналы представляют собой простой перечень лет с 703 по 869, дополненных обозначением соответствующего индикта. Напротив 40 из 167 перечисленных дат имеются кратчайшие исторические записи, сообщающие почти исключительно о военных походах Каролингов, а также о смерти правителей франков и некоторых представителей высшей светской и церковной элиты. Эти сведения настолько скудны и неоригинальны, что не представляют никакого фактологического интереса. Однако рукописная форма сочинения вкупе с его кодикологическим сопровождением обращает на себя внимание, поскольку позволяет сделать ряд интересных наблюдений относительно начального этапа существования раннесредневековой европейской анналистики.

Следует отметить, что раннесредневековая анналистика существовала почти исключительно в форме малых анналов, коих сохранилось совсем немного от VIII в., но для IX–X вв. и далее мы располагаем уже десятками рукописей. Большие анналы, впервые возникшие в Европе в каролингскую эпоху, являлись произведениями совсем иного порядка. Во-первых, они представляли собой развернутый, концептуально выстроенный и сложно организованный нарратив¹⁸.

¹⁶ Апостолу Петру предшествуют еще два римских епископа: Иероним и Дамас. Краткие исторические заметки доведены до папы Григория III (731 г.), а годы понтификата указываются до Адриана I (772 г.). Далее до Сергия продолжается лишь список имен.

¹⁷ Санктгалленские анналы опубликованы Г. Пертцем: *Annales Sangallenses breves a. 703* // MGH SS. Т. 1. Р. 64–65.

¹⁸ Таковыми, например, являлись Анналы королевства франков. Подробнее см.: *Сидоров А.И.* Анналы королевства франков: Прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2010. № 4. С. 75–93.

А во-вторых, в мощной традиции составления погодных записей они занимали все-таки относительно скромное место.

Проблеме происхождения и выяснению характера раннесредневековой европейской анналистики посвящено внушительное количество исследований. Общепринятой на сегодняшний день является эволюционистская концепция, согласно которой «классические» анналы развиваются из кратчайших записей на полях пасхальных таблиц. Пасхальные анналы якобы берут свое начало на Британских островах, а на континенте стали известны благодаря *peregrinatio* ирландцев и миссионерской деятельности англо-саксов. В VII в. между представителями кельтской и римско-католической церковью в Британии разгорелся спор о времени празднования Пасхи. Англо-саксы в итоге стали придерживаться вычислений Дионисия Малого, в то время как ирландцы освоили более древнее исчисление — никейское. Поэтому, отправляясь на континент, те и другие имели при себе пасхальные таблицы с соответствующей датировкой. Первые заметки на полях, посвященные, главным образом, смерти какого-нибудь короля или местного епископа, а также основанию монастыря или церкви, появились в еще в VII в. При подготовке к трудному путешествию таблицы копировались вместе с этими маргинальными записями. Впоследствии именно они легли в основу многочисленных монастырских и епископских анналов на континенте. Со временем погодные записи увеличивались в объеме и перестали помещаться на полях. Поэтому их стали вести на чистых листах уже вне всякой привязки к пасхальным расчетам¹⁹. Текст, наконец, обрел самостоятельное значение и по-

---

¹⁹ *Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. М., 1916. Ч. 1–2. 1912/1913 уч. год. С. 152; *Poole R.* Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926. P. 26, 48, 58–61; *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965. S. 25–25; *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 41–42; *Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. Vol. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 17). P. 668–670; *Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L.* Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam; N.Y.; Oxford, 1987. P. 30–34; *McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge. Turnhout, 1975. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Fasc. 14). P. 12–16; *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980. P. 203–204; *Jaeschke K.-U.* Annales // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1980. Bd. 1. S. 657–658; *Reuter T.* Introduction // The Annals of Fulda. Manchester; N.Y., 1992. P. 1; *Keynes S.* Annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999. P. 40–41. Несколько особняком стоит мнение Д. Дамвилла, который

степенно превратился в развернутый нарратив, обретая черты, характерные для хроники и даже для истории с ее единым авторским замыслом и выверенной сюжетной линией.

Против этой «пасхальной» концепции сегодня выступает, разве что, Р. МакКиттерик. По мнению британской исследовательницы, пасхальные таблицы предназначались для того, чтобы задавать ритм на будущее, определять рамки текущего литургического года и даже не одного. Следовательно, по своей природе они мало годились для сохранения записей о прошлом. Принципиально важным в отношении анналов представляется иной аспект, а именно использование летосчисления от Воплощения Господня. Появление нового жанра в историописании Р. МакКиттерик предлагает рассматривать в более широком контексте социального и культурного развития раннесредневекового континентального общества. VII и, особенно, VIII в. характеризовались углублением процессов христианизации, триумфом культа святых, развитием меморативных практик в рамках локальных религиозных общин. Анналы, по ее мнению, являлись своеобразной формой христианизации времени, тесно сопряженной с функцией *memoria*. Погодная структура анналов задавалась годовым циклом существования локального религиозного сообщества, возникавшего на базе монастыря или епископского канониката, но не ограничивавшегося лишь составом братии. С другой стороны, монастырские анналы являлись если не оппозицией, то, по крайней мере, альтернативой большой каролингской анналистике²⁰.

Эта концепция, небезупречная в деталях, имеет, по крайней мере, одно несомненное достоинство: она предлагает рассматривать малую анналистику не в качестве жанра историописания (на чем сосредоточено большинство исследований), а в качестве культурного феномена, порожденного социальными обстоятельствами

полагает, что традиция соединения исторического нарратива и пасхалий восходит к эпохе поздней античности и прослеживается по крайней мере с IV в.: *Dumville D.* What is a Chronicle? // *The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht, 16–21 July 1999.* Amsterdam; N.Y., 2002. P. 1–9.

²⁰ См.: *McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // *Transactions of the Royal Historical Society.* 6th ser. Cambridge, 1997. Vol. 7. P. 110–114; *Eadem.* History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004. P. 97–100. См. также: *Innes M., McKitterick R.* The writing of history // *Carolingian culture: Emulation and Innovation.* Cambridge, 1993. P. 200.

конкретной эпохи и одновременно указывающего на ее существенные характеристики.

На мой взгляд, представление о пасхальных анналах как об начальной форме погодных записей нельзя считать убедительно доказанным. Данные, которыми мы располагаем применительно к VIII–IX вв., говорят о том, что становление малой анналистики происходило значительно более сложным путем, а дальнейшая эволюция не была линейной.

Самый ранний дошедший до нас пример средневековых кратких анналов содержится в знаменитой рукописи Мура, созданной в Нортумбрии около 737 г.²¹ Четыре погодных записи за 731–734 гг. примыкают здесь непосредственно к «Церковной истории» Беды, однако не имеют никакого отношения к пасхалиям. Скорее всего, это справедливо и в отношении других ранних англо-саксонских анналов, созданных в VIII в., но сохранившихся в рукописях более позднего времени²². Самые ранние записи на пасхалиях, имеющие островное происхождение, относятся к середине VIII в.²³ Однако ближайшие к ним датируются временем не ранее конца X в.²⁴ Разрыв впечатляющий и труднообъяснимый, если мы говорим об устойчивой традиции, которая, как считается, зародилась именно в Британии. Напротив, от более позднего периода (вплоть до XV в.) сохранилось очень много рукописей с пометами на пасхалиях²⁵.

Аналогичная ситуация наблюдается и на континенте. Самый ранний манускрипт с пасхальными анналами происходит из монастыря Флавины и датируется 816 г., т.е. он появился спустя почти три десятилетия после первой серьезной редакции Анналов

---

²¹ Cambridge, University Library, kk. 5.16. Об этой рукописи подробнее см.: The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16 / Ed. P.H. Blair; With a contribution by R.A.V. Mynors. Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).

²² К их числу относятся краткие погодные записи за 732–766 гг., сопровождающие «Церковную историю» Беды, которые сохранились в позднейших рукописях, а также так называемые «Северные анналы» за 732–806 гг. из Йорка, отразившиеся в компиляциях XII в. Подробнее см.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 92–95, а также статью Т.В. Гимона в настоящем томе.

²³ Речь идет о фрагменте англо-саксонской рукописи, предположительно из монастыря Веармут-Ярроу (Нортумбрия), чудом уцелевшем в Фульде в качестве переплета другого манускрипта. Подробнее см.: *Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // ASE. 2005. Vol. 34. P. 62–64.

²⁴ Первый известный нам текст — это «Миссал Леофрика», упоминавшийся выше. На полях небольшой пасхальной таблицы на f. 53r встречаются краткие меморативные записи о смерти королей и архиепископов Кентерберри и Йорка.

²⁵ Например, см.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 252–258.

королевства франков, которые никоим образом не были связаны с пасхальными таблицами. Начиная с X в. количество рукописей с записями на пасхалиях стремительно увеличивается. Думается, что в случае с пасхальными анналами правильнее говорить не столько об истоках, сколько об определенном этапе эволюции данного культурного феномена. Впрочем, приемлемой представляется и точка зрения, допускающая существование малой анналистики на раннем этапе одновременно в разных формах, однако без явного доминирования записей на пасхалиях²⁶.

Интеллектуальные усилия многих современных исследователей, занимающихся проблемами анналистики, направлены главным образом на выявление типичных характеристик анналов, которые позволили бы отличить их, например, от хроник и других форм исторического нарратива, организованного по хронологическому принципу. В числе таковых справедливо называются погодная форма записи, дискретность повествования, полное отсутствие авторского начала и обязательная незавершенность²⁷. В то же время вне поля зрения историков остается вопрос о том, почему вообще в определенный момент времени в средневековой Европе появилась необходимость ведения погодных записей в такой странной форме, и какой смысл заключали в себе эти кратчайшие и крайне нерегулярные заметки, как будто случайно выхваченные из общего потока событийной истории²⁸. Между тем, именно этот вопрос представляется принципиально важным для понимания специфики одного из самых распространенных жанров средневекового исто-

---

²⁶ Эта вполне компромиссная точка зрения высказывается довольно осторожно. Например, см.: *Story J. The Frankish Annals. P. 73–74; Гимон Т.В. Историописание. С. 262.*

²⁷ Обстоятельный историографический обзор различных точек зрения по этой теме см.: *Гимон Т.В. Историописание. С. 69–85, особенно с. 84–85.*

²⁸ В обширной литературе, посвященной средневековой анналистике, можно встретить в лучшем случае такую функциональную характеристику погодных записей: «Анналы служили для того, чтобы упорядочить прошлое народа или сообщества, поместив его деяния на единой оси божественного времени, а значит — в рамках Божьего плана для искупленного человечества». См.: *Foot S. Finding the meaning of form: narrative in annals and chronicles // Writing Medieval History. Oxford, 2005. P. 96.* Эта идея, безусловно, заслуживает внимания. Правда, упомянутая работа британской исследовательницы посвящена главным образом Англо-Саксонской хронике, которую при всем желании нельзя отнести к малым анналам. Переносить же на кратчайшие погодные записи концепцию, справедливую для большой анналистики, т.е. для исторического нарратива, организованного по совсем иным принципам, не представляется правильным. Таким образом, вопрос всё равно остается открытым.

риописания. Ниже я постараюсь на него ответить. Однако сначала вернемся к рукописи Cod. Sang. 732.

Малые санктгалленские анналы написаны одной рукой и, очевидно, после 869 г. Они представляют собой копию более раннего утраченного текста²⁹, который до момента копирования был последний раз дополнен около 815 г.³⁰ Скорее всего переписчик самостоятельно довел перечень лет до того момента, когда он работал над рукописью. Позднее к тексту анналов неоднократно обращались другие читатели. Свободное пространство, которого в этой части рукописи оставалось немало, использовали прежде всего для различных упражнений: здесь встречаются многочисленные пробы пера (*probatio pennae*), не очень умело выведенные англосаксонские дифтонги и цитаты из Вергилия (р. 172, 174–176). Лишь один человек оставил собственно историческую запись, причем постарался не нарушать общей стилистики нарратива³¹.

Некоторые сообщения позволяют предполагать, что к составлению начальной части перечня дат имели отношение выходцы с Британских островов. Скорее всего, именно с этими людьми связаны пометы, актуальные, прежде всего, в контексте их собственной исторической памяти³².

Внешний вид рукописи санктгалленских анналов указывает на то, что их протограф не имел никакого отношения к пасхалиям; перечень лет с краткими заметками был изначально записан на отдельных листах.

При знакомстве с текстом возникает целый ряд вопросов. Почему погодные записи охватывают меньше четверти дат? Почему все пометы столь скудны и немногословны, хотя они относятся к

---

²⁹ Там, где существуют погодные записи, номер индикта, соответствующего данному году, стоит вверху или внизу строки, хотя свободного места на странице вполне достаточно. Однако в протографе место почти наверняка приходилось экономить. Тем не менее переписчик предпочел следовать оригиналу.

³⁰ Этим годом датируется последняя историческая запись в анналах: «Annus primus Hludouici imperatoris» (р. 175). Данная помета радикально отличается от всех остальных сообщений, что позволяет рассматривать ее как указание на время последней существенной доработки текста.

³¹ На р. 174 имеется следующая помета: «801. XI Karolus ad imperatorem elevatur ad Roma». Характерно, что индикт следует сразу за годом, а не вынесен за пределы строки, как в других сообщениях.

³² На возможное участие англо-саксов в составлении протографа указывают сообщения под 730 г. о смерти Беда (р. 170) и под 753 г. о мученической гибели Бонифация (р. 171). Обе заметки по своему содержанию существенно отличаются от прочих записей.

одному из самых ярких периодов каролингской истории? Почему, наконец, нет ни одной заметки для времени после 815 г.? Выскажу некоторые предположения на сей счет.

Скорее всего, для составителей малых санктгалленских (равно как и многих других кратких) анналов нарратив не имел никакого самостоятельного значения. Гораздо важнее для них был сам по себе перечень лет, который велся в рамках строго определенной системы учета времени — от Рождества Христова. Согласно устойчивой христианской традиции, с этого момента человечество вступило в шестой и последний земной «возраст», неумолимо приближавшийся к своему историческому завершению. Малые анналы на первый взгляд не имеют начала и конца. Однако это не так, ведь о «начале» и «конце» составители были хорошо осведомлены. Малая анналистика, подобно «Шести возрастам мира», несомненно, обладала выраженной эсхатологичностью. Она появляется в тот момент, когда в западноевропейском христианском обществе начинает усиливаться ощущение жизни в конце времен и приходит понимание того, что большая часть шестого «возраста» уже миновала. Очевидно, острее всего это воспринималось людьми, наиболее глубоко укорененными в христианской традиции. Именно поэтому ранняя анналистика зарождается и бурно расцветает в монастырях. По мере углубления христианизации западноевропейского общества краткие анналы начинают вестись в других местах, в частности при кафедральных соборах. Но в любом случае речь идет о локальных сообществах людей церкви.

Можно вполне определенно говорить о том, что анналы отсчитывали время не столько прошедшее от Воплощения Господня, сколько оставшееся до Страшного суда. Именно поэтому они начинались не с первого года от Р.Х., а с *любого* другого года последнего земного века. Верхняя граница оставалась открытой и со временем отодвигалась все дальше. Напротив, в тех же самых текстах мы не видим никаких попыток «удревнить» нижнюю границу и дойти до начальной точки. Скорее всего, составители не видели в этом никакого смысла, поскольку интересовались не прошлым, а настоящим, на которое смотрели из конечного будущего. Малые анналы являлись, таким образом, в высшей степени *актуальными* сочинениями.

На этой конечной, развернутой в одну сторону, но все же достаточно протяженной хронологической оси, очевидно, требовались некие ориентиры. Таковыми служили краткие исторические записи. Для средневекового человека время было неотделимо от истории, более того, его не существовало вне событийного контекста.

В качестве хронологических маркеров использовались события, сохранявшиеся в исторической памяти отдельных локальных сообществ. Выбирались наиболее *известные* факты — стихийные бедствия, войны, смерть сильных мира. При этом для составителей малых анналов, а, следовательно, и для их читателей *детали случившегося не представляли интереса*. Простого упоминания знакового факта было вполне достаточно для эффективной ориентации во времени. Отсутствие погодных записей объяснялось не отсутствием вообще событий, а отсутствием событий, которые вспоминались в определенных сообществах. В ожидании таковых можно было более или менее долго продолжать перечень «пустых» лет.

Эсхатологический характер малых санктгалленских анналов в Cod. Sang. 732 подчеркивается непосредственным соседством с пасхальными таблицами, составленными не позднее второй половины IX в. Как уже было сказано, они доведены до 999 г. Дальнейшие расчеты, несомненно, прекращены сознательно: последний пасхальный цикл охватывает всего 12 лет вместо положенных 19-ти, а на последней странице еще остается достаточно свободного места. Любопытно также отметить, что кто-то из составителей кодекса (судя по почерку, это, скорее всего, был переписчик пасхальных таблиц) озаглавил начало анналов как десятый девятнадцатилетний пасхальный цикл (р. 168: «Decimus ciclus decennouenalis»), сделав границу между первым и вторым текстами еще более прозрачной. К слову, начало десятого цикла приходится как раз на 703 г.

Эсхатологический, компутистический и историко-меморативный характер малых анналов просматривается и в других кодексах. Например, в компилятивном Codex 319 (645)³³ из монастырской библиотеки Айнзидельна, который формировался с X по XVI в., но в основном объединяет тексты, переписанные в X–XI вв., погодные записи занимают поля пасхальных таблиц (р. 126–139, 19–61). Последние охватывают период с 741 по 1595 г. В данном случае мы имеем дело с классическими пасхальными анналами. Характерно, что последние дополнения сделаны рукой второй половины XVI в.

---

³³ Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 319 (645) (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0319>>). Описание рукописи см.: *Bruckner A. Scriptoria Medii Aevi Helvetica 5. Schreibschule der Diözese Konstanz: Stift Einsiedeln. Geneva, 1943. P. 183–184.*

Как я уже говорил, в современной науке господствует мнение, что погодные записи на полях девятнадцатилетних циклов представляют собой наиболее раннюю форму европейской анналистики, быстро уступившую место самостоятельному летописанию. Однако приведенный выше пример с этим положением никак не согласуется. Малые анналы Айнзидельна показывают, что фрагментарные пометы на пасхалиях не только не потеряли актуальности, но на протяжении столетий продолжали рассматриваться в качестве самоценной и самодостаточной нарративной практики. Более того, краткие анналы Айнзидельна велись несколько веков, но так никогда и не превратились в «большие».

В высокое и тем более позднее Средневековье в кратких пометах как будто не было особой нужды, ведь уже имелось изрядное количество пространных исторических сочинений. Стремлением сэкономить пергамен (нередко именно с этим обстоятельством связывают появление пасхальных анналов) здесь тоже ничего не объяснишь. Значит, ценность кратких анналов заключалась для их составителей не в сообщаемых сведениях, а в специфическом способе освоения времени, который имел очень древнюю традицию.

Следует отметить еще один немаловажный момент. Кодекс открывается пространным календарем, переписанным в последней трети X в. (р. 3–17). В течение последующих столетий многими руками на его полях были оставлены десятки меморативных записей. В подавляющем большинстве они представляют собой имена людей, которых следовало поминать в определенные дни. Среди прочих названы императоры Священной Римской империи Оттон I (8 мая) и Оттон II (7 декабря), аббаты Вирунд (11 февраля), Майоль (28 мая), Эберхард (14 августа), королева Регинлинда (19 августа) и многие другие известные персоны.

Но в календаре фигурируют не только люди. Иногда здесь встречаются пометы, уместные, скорее, в анналах, т.е. в тексте, который описывал линейное, а не циклическое течение времени. Таковы, например, записи о низложении папы Льва в Риме (19 апреля), о перенесении мощей св. Мегинрада из Авгии (6 октября), о паломничестве в Рим Адама, аббата Айнзидельна (18 октября), и др.³⁴

---

³⁴ Р. 7: «Rome depositio sancti Leonis pape»; р. 14: «Relatio s. Meginradi de Augia»; р. 15: «Nac die Adam dei gratia Abbas huius loci pergitur Romam, 1574». Календарь с аналогичными характеристиками встречается и в другом кодексе из Айнзидельна.

Вряд ли случайным было, с одной стороны, столь близкое соседство календаря и пасхальных таблиц, а с другой — наличие в обоих текстах меморативных и погодных записей. Между этими произведениями не существовало жестких границ, как не существовало их между учетом времени, историей и памятью.

Для полноты картины упомянем еще один манускрипт из монастырской библиотеки Айнзидельна. Codex 29 (878) также представляет собой собрание разновременных фрагментов, которые датируются периодом от IX до XIV в.³⁵ На р. 88–102 помещены так называемые *Annales Heremi*, составленные в X в. Они представляют собой причудливую комбинацию одновременно двух форм малых анналов: самостоятельную, составленную на отдельных листах (р. 88–95), и пасхальную (р. 96–100)³⁶. Их содержание в значительной мере восходит к хронике Регинона³⁷. Первый фрагмент охватывает годы с 1 по 930, второй — с 931 по 1006. Этот текст позволяет увидеть, в каком направлении эволюционирует малая анналистика в посткаролингский период. Погодные записи, которые теперь все больше напоминают хронику, начинаются непосредственно от Рождества Христова и охватывают всю (последнюю) тысячу лет земной истории человечества. Для каролингской анналистики с ее ориентацией на любую начальную дату в рамках «шестого века» это совсем нехарактерно. Напротив, в X в. эсхатологический и компутистический характер малых анналов сохраняется в полной мере и даже усиливается: по мере приближения к концу тысячелетия записи переносятся с самостоятельных листов на пасхалии.

В заключение позволю себе кратко сформулировать некоторые соображения, возникшие в ходе работы с комплексом санктгалленских рукописей.

Изучение малоформатных исторических сочинений с точки зрения их содержания, формы и кодикологического окружения позво-

---

См.: Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 321 (647). P. 4–16 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0321>>). Календарь составлен между 950 и 975 гг. Описание рукописи см. там же.

³⁵ Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 29 (878). (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0029>>). Подробное описание рукописи см. там же.

³⁶ *Annales Heremi* изданы Г. Пертцем как часть единых анналов Айнзидельна. Однако на самом деле Г. Пертц объединил фрагменты, собранные из разных рукописей. См: *Annales Heremi* a.1 // MGH SS. T. 3. P. 138–145.

³⁷ *Ibid.* P. 137.

ляет не только обогатить, но и существенно скорректировать наши представления об исторической культуре каролингской эпохи. Очевидно, эсхатологическое начало было выражено в ней значительно сильнее, чем кажется на первый взгляд. Ощущение «жизни в конце времен» обусловило огромную популярность столь незначительных, казалось бы, сочинений, как *De sex aetatibus mundi* и малая анналистика. Более того, за формирование типичных и даже базовых представлений о прошлом, настоящем и будущем отвечали как раз такие произведения «второго» плана.

Малые анналы бурно расцветают именно в каролингский период, что является косвенным свидетельством все более глубокого укоренения части франкских элит в христианской религии. Эти сочинения лишь с большими оговорками можно отнести к историописанию, поскольку они не содержат никакой рефлексии по поводу фиксируемых событий. Нарратив играл в них иную роль, нежели в собственно исторических произведениях. Прежде всего, он помогал читателям ориентироваться в потоке линейного и конечного времени, отсчитывать его ход.

Пасхальные анналы являются не столько исходной формой, сколько логическим развитием этой особой компутистической и меморативной практики. Санктгалленские рукописи показывают, что уже к концу раннего Средневековья границы между разными типами меморативно-компутистических текстов (самостоятельные и пасхальные малые анналы, календари с краткими заметками, генеалогии и т.д.) становятся все более размытыми.

Соседство «Шести возрастов мира» и генеалогий в санктгалленских кодексах указывает на еще одну очень важную вещь, которая нередко остается скрытой от глаз исследователей, сосредоточенных на изучении большого нарратива. Базовые общеисторические представления каролингской эпохи оказывались значительно сильнее сиюминутных конъюнктурных соображений идеологического и политического характера и без труда их поглощали. Читатели легко примиряли тексты с очень разной исторической концепцией. Это заставляет задуматься о характере, механизмах и эффективности политической пропаганды в раннесредневековых государственных образованиях. Очевидно, ее возможности были существенно ограничены.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. М., 1916. Ч. 1–2: 1912/1913 уч. год.
- Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: Практикум-хрестоматия / Авт.-сост. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров. М., 2010. Кн. 2.
- Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
- Сидоров А.И.* Генеалогические конструкции как способ легитимации власти франкских правителей VII–IX вв. // СВ. 2007. Вып. 68 (2).
- Сидоров А.И.* Анналы королевства франков: Прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2010. № 4.
- Сидоров А.И.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // Люди и тексты. Исторический альманах, 2013: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014.
- Alibert D.* Sacre royal et onction royale à l'époque carolingienne // *Anthropologies juridiques*. Mélanges Pierre Braun. Limoges, 1998.
- Annales Heremi* // MGH SS. Т. 3.
- Annales Sangallenses breves* // MGH SS. Т. 1.
- Bruckner A.* *Scriptoria Medii Aevi Helvetica* 5. Schreibschule der Diözese Konstanz: Stift Einsiedeln. Geneva, 1943.
- Brunhölzl F.* *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. München, 1975–1992. Bd. 1–2.
- Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L.* *Guide to the Sources of Medieval History*. Amsterdam; N.Y.; Oxford, 1987.
- Catalogi regum Francorum praetermissimi* // MGH SRG. Т. 7.
- Commemoratio genealogiae domni Karoli gloriosissimi imperatoris* // MGH SS. Т. 13.
- Cordoliani A.* Les manuscrits de comput ecclésiastique de l'Abbaye de Saint Gall du VIIIe au XIIe siècle // *Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte*. 1955. Bd. 49.
- Dumville D.* What is a Chronicle? // *The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle*, Driebergen/Utrecht, 16–21 July 1999. Amsterdam; N.Y., 2002.
- Foot S.* Finding the meaning of form: narrative in annals and chronicles // *Writing medieval history*. Oxford, 2005.
- Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Mérovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // *La*

- storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. Vol. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 17).
- Goffart W.* The Supposedly "Frankish" Table of Nations: An Edition and Study // Frühmittelalterliche Studien. B., 1983. Bd. 17.
- Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
- Innes M., McKitterick R.* The writing of history // Carolingian culture: Emulation and Innovation. Cambridge, 1993.
- Jaeschke K.-U.* Annales // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1980. Bd. 1.
- Keynes S.* Annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999.
- Krusch B.* Der Bayernname, der Kosmograph von Ravenna und die fränkische Völkertafel // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1928. Bd. 47.
- Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1911. Bd. 1–2.
- McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge. Turnhout, 1975. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Fasc. 14).
- McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. 6th ser. Cambridge, 1997. Vol. 7.
- McKitterick R.* History and memory in the Carolingian world. Cambridge, 2004.
- Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. P., 1901–1906. Vol. 1–6.
- Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872.
- Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898.
- The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16 / Ed. P.H. Blair; With a contribution by R.A.B. Mynors. Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).
- Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde / Ed. M. Roediger. B., 1892. Bd. 3.
- Oexle O.G.* Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulfus // Frühmittelalterliche Studien. B., 1967. Bd. 1.
- Poole R.* Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926.
- Regum Merowingorum genealogia // MGH SS. T. 2. P. 307
- Reuter T.* Introduction // The Annals of Fulda. Manchester; N.Y., 1992.
- Scherrer G.* Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875.
- Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // ASE. 2005. Vol. 34.
- Wattenbach W., Lewison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952–1990. Bd. 1–7.

LITTLE FORMS OF BIG HISTORY IN MEDIEVAL
MANUSCRIPTS (SOME BOOKS FROM SOUTH GERMANY
OF THE NINTH–ELEVENTH CENTURIES)

The paper deals with the content of some South German manuscripts of the ninth–eleventh centuries and studies the role and the significance of the so-called minor forms of historical narrative in the historical culture of the Carolingian society. Not only extended and sophisticated authors' works but also small texts with simple form and trivial content played an important role in the formation and the translation of the images of past, present, and future. Such minor texts included, for example, genealogies, notes of the Six Ages of the World (*de sex aetatibus mundi*), minor and paschal annals. These works often were used as propaganda by courtly authors. Being short and easy to understand, these texts legitimized the ruling Carolingian dynasty, created its historical background, eliminated its rivals from history. Such texts circulated intensively around the empire, but outside the court they quickly loosed their propagandistic content which conflicted with the attitudes of local elites. The manuscripts of the ninth–eleventh centuries show where the 'limits of possible' lay and how this conflict took place. Copyists, redactors, and readers in the periphery of the empire were interested more in the chronological schemes of such texts than in their propagandistic content. These people were interested more in counting years and filling chronological lacunas than in mentioning or forgetting particular historical figures. The codicological context of such texts helps us to follow their perception by an 'alien' audience. One manuscript easily could contain texts which were ideologically antagonistic, but which together were able to cover and characterize a long period of time. The study of South German manuscripts throws a new light on the problem of the emergence of medieval annalistic writing. The birth of this genre cannot be adequately explained by means of the evolutionist model which is widely accepted by modern scholars. Minor and paschal annals were not predecessors of 'major' annals, it is even problematic to regard them as 'historical writing'. They had other purposes and were intended, first of all, for temporal orientation in the Sixth (and the last) of the Ages of the World. They reflect a gradual victory of the Christian notion of time and a growth of eschatological tension in the Carolingian society.

Keywords: Middle Ages, historical writing, annals, genealogies, Six Ages of the World, codicology, Carolingian empire, Germany, historical culture, monasteries